

СОПОЛОЖЕНИЕ ИМЕННЫХ ОСНОВ КАК СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ БАЗА КОМПОЗИТА СЛАВЯНО-РУССКОГО ТЕКСТА¹

Статья посвящена анализу смысловых отношений именных основ композитов в древнерусском языке (на материале гимнографических памятников письменности XI-XII вв.); автор выдвигает гипотезу о генезисе и причинах активизации композитов в древнеславянской письменности, учитывая изоморфизм и синкретизм языковых единиц в ранний исторический период.

Древнерусский текст <...> одномерен и прост, в нем преобладает информационный повод в простоте конструкции; его подтекст направлен одновременно и на конкретное основание, и на вечную истину.

В.В. КОЛЕСОВ

О композиции в словообразовании как об одной из наиболее характерных лексических особенностей церковно-книжных текстов Древней Руси сказано в науке немало. Появление таких образований в древнерусской языковой системе традиционно связывается с формированием литературного языка на ранних этапах его развития под активным влиянием старославянской лексической системы, где композиты в свою очередь появляются при калькировании (в широком понимании термина) сложных слов греческих оригиналов. Безусловно, переводческая деятельность древнерусских авторов также предполагала калькирование как один из наиболее частых способов передачи лексических элементов греческих источников. Мы рассматриваем так называемые славяно-русские композиты, рождающиеся в славянской языковой системе на разных стадиях ее развития.

Материалом для анализа стали композиты гимнографических текстов, в современной русистике признанных одними из самых древних переводных памятников, появившихся на Руси: Ильина книга (далее – Ил), памятник древнерусской письменности XI-XII вв. (рукопись РГАДА, Тип. 131) [5] и Путятина Минея XI в. (рукопись РНБ, Соф. 202) [7]. Славяно-русская гимнография чрезвычайно богата композитными образованиями: например, по сравнению с текстами Евангелия сложных слов в этих рукописях вдвое больше. Насыщенные характеристическими именами, гимнографические источники демонстрируют широкие возможности славянской системы в развитии ярко-

го способа словообразования – основосложения.

Несмотря на широкий спектр научных работ по лексике древнейших памятников, где упоминаются композиты, глубокого анализа природы и функционирования композитных образований не проведено до сих пор. Учитывая безусловную и известную множественность подходов к анализу композиции, мы считаем продуктивным и корректным исследовать сложения как синтаксические структуры, занимающие промежуточное положение между высказыванием, синтагмой и словом, опираясь на тезис Э. Бенвениста о том, что «именное сложение – это микросинтаксис. Каждый тип сложных имен следует изучать как трансформацию какого-либо типа синтаксически свободного словосочетания» [3, 241].

Мы сделали попытку определить причины появления и закрепления в древнейшей славянской системе широкого ряда композитных (именных по преимуществу) образований, с одной стороны, опираясь на справедливый тезис о синтаксической природе композиции, с другой – анализируя специфику семантики и функционирования таких единиц в славяно-русском тексте. На наш взгляд, относительная новизна (редкие сложения существовали и в дописьменный период) самого явления в славянской языковой системе (в отличие от греческой, когда факторы, обуславливающие и появление, и распространение сложений, уже затемнены многовековой традицией их употребления) позволит увидеть причинно-следственные связи в развитии различных композитных моделей.

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (грант 05-07-90217-в).

В структуре композита могут быть соотнесены основы трех типов: 1) именная + именная – в таком случае мы говорим о соположении имен² и присвоении предмету или лицу наиболее яркого признака, выраженного как субстантивной, так и адъективной основами (богосвѣтъли, богомудри, благоври, правовври, богословъ, духозарѣнь, зьлоуми, дждеросѣнь, законправѣдѣнь, свѣтозарѣнь и т.п.); 2) именная (субъектная) + глагольная – когда действие мыслится и вводится в композитной основе как присущее предмету или лицу (богосътворень); 3) именная (объектная) + глагольная – когда действию может подвергаться предмет или лицо (жизнодавѣць, нищелюбѣць, добродѣтель, богохульникъ и т.п.).

1. Особенности смысловых и, как следствие, синтагматических отношений в древнерусском предложении, на наш взгляд, ярко проявляются при анализе частотности типов смысловых отношений в композитах: так, высокая частотность единиц первого типа, с одной стороны, демонстрирует функциональную нагрузку композита как слова, способного отразить предметность и признаковость в пределах одной лексической единицы, с другой стороны, представляет важную прагматическую задачу древнейшего религиозного текста – репрезентировать максимально дискретно новую картину мира, выявить и номинировать сущностные признаки фрагмента действительности или смежность разных фрагментов.

Анализируя аналогичный тип отношений, Э. Бенвенист в основе композита предлагает видеть «синтаксические конструкции с их разновидностями предикации» [3, 254], например, предикативные структуры типа «х есть у-а», где у – «не самостоятельный предикат, требующий дополнительного аргумента, без которого он неполон» [там же, 245], или так называемые бахуврихи, восходящие к аналитическому предложению о потенциальном или актуальном носителе атрибута. Принципиаль-

но различая синтагму как свободное сочетание, не имеющее логического ограничения по образованию, и базу композита как сочетание необходимое, автор указывает на функцию композита соотносить в структуре «относительные термины, требующие дополнительных терминов», и расширять, благодаря логическому соотношению разноклассовых единиц, объем понятия [там же, 246]. Функциональная значимость композитов при таком подходе – «транспонировать актуальное отношение предикации, выраженное базовым предложением в виртуальное» [там же, 255], а результатом трансформации становится сложное имя описательного характера, способное стать научным наименованием и поэтическим эпитетом [там же, 256]. При этом «функцию сложного имени можно определить так: транспонировать актуальное отношение предикации, выраженное базовым предложением в виртуальное [там же, 255], ...употреблять целые предложения как прилагательные или существительные и вводить их в этом новом качестве в другие предложения» [там же, 256]³. Механизм и результат описанной Э. Бенвенистом трансформации представляется прозрачным, однако остается не до конца ясной причина самой трансформации, когда предикация становится «латентной», имплицитной и такие единицы получают широкое распространение на определенных этапах развития языка – от древнейшего периода, когда употребление их жанрово обусловлено, в частности в древнерусском языке, через стиль «плетения словес» до Нового времени, где, кстати говоря, причина активизации этого типа единиц очевидна – это развитие терминологии на греко-латинской основе и системы стихосложения под греко-латинским влиянием.

Для славянской языковой системы такие композиты, будучи единицами на первый взгляд чужеродными, заимствованными (как в культурно-этническом плане, так

² Термин «соположение» близок термину «аппозиция», однако, на наш взгляд, в большей степени применим к древним отношениям элементов в высказывании, где нередко трудно определима, как смысловая, так и грамматическая иерархия имен.

³ Оставляя в стороне частные вопросы частеречного или смыслового соотношения основ композита, мы анализируем исключительно генезис композитного образования, в основе которого лежит некое суждение (будь это тождество двандва, необходимое соположение терминов или бахуврихи).

и по структуре), на этапе вхождения в язык тем не менее отвечают требованиям партаксической структуры высказывания, когда равновесны отношения элементов фразы, характеризующейся полицентризмом, или ацентризмом (об этом см. [13, 93]), что, вероятно, и объясняет их закрепление и активность в ранних памятниках письменности. На этапе ментализации, расширения объема понятия, господства метонимии «простое соположение соотносящихся элементов» [2, 311] (безусловно, не без словообразовательного фактора, однако далеко не определяющего при вариативности и неспециализированности аффиксов) в структуре композита становится вполне органичным и плодотворным средством выражения сложнейших новых понятий.

2. Итак, первый из выделенных нами типов отношений в структуре композита демонстрирует известную конструкцию соположения имен⁴, когда одно из них атрибутирует другое по существенному, актуальному признаку: Бог – свѣтъ, Бог – мѹдрѣи, благо – вѣра⁵, Бог – слово, дух – заря (= свет), зѣло – оумъ (не разоумъ (!) божественный: ср. строгое распределение основ за композитами – зѣлооумиЕ, богоразоумиЕ) и т.д. В этом аспекте представляется интересным анализ композитов с начальным бого-, в которых атрибуции Бога призваны охарактеризовать его сущность и установить систему отношений фрагментов мира: такое соположение имен расширяет объем понятия, увеличивая

число представлений о фрагментах (здесь – о Боге), об их связи, об их признаках⁶.

Так, в ПМ и Ил находим широкий ряд композитов с начальным бого-, ярко демонстрирующих атрибуцию сущности Бога в концепции мира славянина-неофита: 1) при определении статуса элементов вероучения по отношению к Богу (богодоушьнѣ – доуша, боготѣхновень – доухъ, богоотѣчѣскѣ – отѣць, богоначалиЕ – начало, богословесиЕ – слово) > Бог есть душа, дух, отец, начало, слово; 2) при указании на тип деятельности (богооучении – оучениЕ, богомѹдрѣи – мѹдрѣи, богомыслѣнѣ – мысль, богоразоумиЕ – разоумъ, богоблагодѣтѣнѣи – благодѣть (дѣяти), боголѣпѣи – лѣпѣи, богочѣстиЕ – чѣсть) > Бог есть учитель, единственный дающий мудрость (мысль, разум), деятель блага, целью и признаком деятельности которого является польза верующему, а результатом деятельности – честь; 3) при качественной характеристике (богозарѣнѣ – заря (свѣтъ), богосвѣтѣль – свѣтъ, богорадованѣ – радость, богомѹжно – мѹжскѣ, мѹжственѣнѣ, богоблагодѣтѣнѣи – благодѣть (благо), боголюбы – любы) > Бог есть свет, радость, мужество, благо, любовь⁷.

Вероятно, прав А.А. Потехня, утверждающий возможную неясность представлений образа при апперцепции. Такая неясность тем более естественна, когда речь идет об усвоении нового знания, номинации которого базируются на уже существующих образах. Механизм восприятия в этом случае

⁴ О смысловой (когнитивной) и собственно языковой природе соположения имен писал А.А. Потехня: «Существительное, как атрибут, вносит в мысль черту своей прежней самостоятельности, которая сказывается возможностью несогласования с определяемым в роде и числе... постоянный атрибут так сживается с своим определяемым, что образует вместе с ним одно слово» [8, 105]. Вероятно, термин «атрибут» здесь следует понимать в широком смысле, вне противопоставления аппозиции. Для нас же важно, что «приложение не происходит от зависимого предложения и не есть такое предложение, а имеет функцию, среднюю между собственным определением и определительным предложением с глагольным сказуемым» [там же, 110], что, безусловно, близко представлению о психологическом (не грамматическом) суждении.

⁵ В анализируемых нами текстах вѣра – исключительно «христианское вероучение, православие»: так, например, в рукописях нет композитов зѣловѣриЕ, зѣловѣрѣнѣи, где вѣра получала бы негативную атрибуцию, но нечѣстивѣи и т. п., невѣрѣствиЕ, невѣрѣнѣи, где безбожие понимается как отсутствие вѣры. Здесь вѣра не может быть обладать иным сущностным признаком – она может быть только благая.

⁶ Напомним, что «признак есть атрибут, посредством коего инстинктивное самосознание понимает чувственный образ как единицу и представляет себе этот образ. Как ум наш не постигает предмета в его сущности, так и язык не имеет собственных, первоначальных существительных и как сочетание признаков принимается нами за самый предмет, так и в языке есть только название признаков» [Штейнталь, цит. по 10, 103]). Однако не всякое существительное репрезентирует признак явно: так, например, «существительное конкретное есть такое название определенного вместилища или вместилища признаков, которое не дает возможности определить, какой из этих признаков ближе к сознанию. Здесь нас оставляет возможность сравнения с предложением, ибо в этих существительных никакого подобия сказуемого не дано» [8, 98]. И именно здесь, на наш взгляд, оказывается востребован композит как минимальное (по сравнению со словосочетанием) и достаточное, а значит, оптимальное средство характеристики субстанции.

⁷ Безусловно, такую типизацию не следует считать единственно возможной уже потому, что налицо скрещивания типа польза и благо, честь и мужество, отец и мудрость и т.д.

предполагает необходимость указания на актуальные признаки именуемого, а «вполне ясны представления, коих части мыслимы все и притом с полной определенностью взаимных отношений <...> [10, 87]. И специфика номинации признака в нашем случае очевидна: это признак, основанный на соположении, когда «разнородные восприятия, данные одновременно или один за другим, не уничтожают взаимно своей самостоятельности <...>, а, оставаясь самими собой, слагаются в одно целое» [там же, 91]. Композит и представляется нам оптимальным средством, с одной стороны, соотнесения представлений для рождения нового представления, с другой – для их слияния, которое есть источник движения смысла, а структурная спаянность элементов слова становится указанием на неразрывность таких смысловых связей, их константный характер⁸.

Смеем утверждать, что приведенное по А.А. Потевне определение ассоциации может быть применено не только к собственно ассоциации как когнитивному процессу – основе метафоры, но и к любому соотнесению представлений, в частности к пространственно-временному соположению – основе метонимии. На ранних стадиях освоения славянином греческих метафорических моделей они, вероятно, осознаются как метонимические, когда сопряжение элементов картины мира в пространственно-временном поле призвано демонстрировать отношения фрагментов, их связь, взаимозависимость и / или,

как в случаях, проанализированных нами, равновеликость, присущую атрибуции. Позволим себе соотнесение такого типа атрибуции с плеонастичностью отношений, когда существенные признаки, определяемые на уровне сопряжения фрагментов картины мира и присваиваемые каждому из членов пары соответственно, при константности таких отношений в языковом сознании (например, Бог есть любовь, любовь от Бога) в некотором роде повторяют смысловое содержание друг друга⁹.

3. Интересной представляется при таком подходе трактовка вариативности элементов композита: в процессе его рождения идет поиск признака (или действия), наиболее точно отражающего сущность явления и демонстрирующего соотношение фрагментов языковой картины мира, смысловые, понятийные составляющие которой взаимосвязаны. Такую связь демонстрирует, например, пара **богозаконьнъ – боголюбень** в Ил (греч. θεολόγιος «божественный») в контекстах Твоевангелие Луко бгозаконьне. въстокъ съвыше. и просвѣщъ чловѣкъ прѣдстави 24v, црь двдъ. прркъ болубень явисА. бжиЕ въплщениЕ 95v: Бог, закон и любовь – понятия не просто близкие, их смысловые связи могут рассматриваться как отношения включения, когда наиболее общее представление о Боге требует экспликации подсмыслов, со-значений, компонентов, составляющих объем понятия¹⁰. Тогда Бог есть и закон, и любовь, однако закон и любовь так-

⁸ Ср. высказывание Э. Бенвениста о именных предложениях, близость к которым демонстрируют композиты рассматриваемого типа: «Именная фраза имеет целью убедить высказыванием «общей истины»; она предполагает речь и диалог: она сообщает не факт, в некоторое вневременное и постоянное отношение, которое выступает как убедительный аргумент» [3, 178].

⁹ В свою очередь напомним, что А.А. Потевня иные (типа «свѣтъ свѣтаеть»), однако, на наш взгляд, близкие языковые связи определял как тавтологию, «но не в строгом смысле, т.е. не повторение того же акта мысли и речи, а разложение восприятия на сходные по содержанию элементы, из коих один представлен субстанцией, а другой ее действительностью: это попытка объяснения явления» [подчеркнуто нами. – С.Н.] [9, 330]. Такую функциональную нагрузку мы склонны видеть и в композитных образованиях анализируемого типа.

¹⁰ Так, законъ как “свод нравственных и обрядовых правил какого-л. религиозного учения” [12, 3-318] в ранних славяно-русских гимнографических текстах (известна жанровая приуроченность лексико-грамматических средств в древнерусской языковой системе), безусловно, соотносим с Богом, с христианством: например, в Ил – законъ очь [еще одно указание на безусловность связи Бог – закон. – С.Н.] тА. яко молителА истинѣ показа 144v, Законъ кромѣ члвчъ тА чадю родихъ. то како безаконьнѣ въздвигоша тА на дрѣво. посредѣ безаконьноУ. Единогo закона жизни написающаго бца плачоущи глаше 9г, и радъ прия ха. изла бжиЕ оутѣшениЕ. законУ творьца и влдкУ 120г% в ПМ – законъ писменьныи. оучитель тебѣ бысть. въ ха ЕлифаниЕ 55, за чьстьноуУ вѣроу кровь своУ пролия. законъ коньчавъ. прорицавъ ба въплщыша 69об. всь приложисА ты влцѣ. Его же законъ чьстьнь. невѣрѣдимъ ты съблюде. законьныи закону наоучАя аплЕ 107.

Сопряженность (тождественность) представлений о любви и Боге находим, например, в следующих контекстах Ил: НосА оучительноу кроткѣУУ мудрость. и сУщеЕ любьве. бжиЕ творА съмѣрениЕ 89v, ПривАзасА любьвию ты павлѣ. бгогласьне лУко вѣщателю. и врьста всечьствна явисА. га хвалите 26г; и ПМ: Любы твоя бжствна испльнисА феОдоре 68, яко испльнь сиы любьве. испльнь бысть. и правовѣрия. славѣ и чьсти и вѣрѣ полага- тель бысть 38 и т.п.

же есть Бог. Любопытно и сравнение словарных толкований греческого θεσπέσιος «божественный» и славянских боголюбьнь «любящий Бога, угодный Богу» и богозаконьнь «следующий Божиим наставлениям, закону Бажиему»: предельно обобщенная семантика слова при глубокой разработанности понятия в греческом языке в славянском отражена путем расширения объема понятия – на языковом уровне введением в структуру композита аппозитивных элементов закон(ь) и люб(-тъвь, -ити)¹¹.

Надо сказать, что сопоставление подобного рода может быть проведено и на примере других типов композитов. Так, показательным представляется параллелизм образований типа **богоносъць – св†тноносъць**, когда взаимоотношения Бог - св†тъ в структуре сложного слова эксплицирует смысловую взаимообусловленность¹² фрагментов христианской картины мира, в которой все замыкается на представлении о Божественном. Ср. контексты Ил и ПМ, в которых характеристиками святого (святых) в сходных по смыслу высказываниях становятся эти сложные субстантивы: теб† же бгоносъче пищу даяаше англъ 2у, т†лесьныА страсти исУшаЕта. и недУгы оуврачуЕта. и прогнита б†сьныа дхы. бгоносъцА безмъздъника. млтвѣника о дшахъ нашихъ 3бв и ПМ хладъ стрпци приясте. въ небесныхъ жилищихъ. въ нихъже св†тноносъци ликъствоуУще и насъ помАн†те 8боб.

4. Соположение номинирующих фрагменты действительности имен в пределах композита представляет собой сконденсированное суждение и может быть развернуто в высказывание. При этом 1) отсутствие связочного элемента в композите показательно: так определяется вневременной и внемодальный характер отношений между именами.

Если принять положение грамматической теории А.А. Потебни о немислимости в исторический период предложения без *verbum finitum* с его предикативными характеристиками, то композиты становятся оптимальным средством выражения соположения имен в пределах термина вне предикативных отношений для номинации понятийно важных констант.

Рассматриваемое смысловое соотношение основ может быть также сопоставлено функционально с различиями, указанными А.А. Потебней для атрибутивного сочетания и предложения с составным сказуемым, когда в сочетаниях типа «перевозчик Кий», «белый снег» отмечается «полное отсутствие энергии определяемого» («Кий перевозил») и «простое сказуемое изображает возникновение признака наглядно» (у нас композиты с субъектно-глагольной валентностью типа богосътворень и богодвижимы), «обогащая его новым содержанием», а при составном сказуемом «признак производится деятельностью подлежащего», «признак представляется данным результатом [разрядка наша. – С.Н.] деятельности подлежащего» («он пастух», «он певец») и отражает «обобщение прошедших актов мысли» [8, 112] (у нас композиты с именными основами в аппозиции типа богосв†тъль, богодоушьнь). Вероятно, высокая частотность, актуальность композитов с именными основами может быть обусловлена обобщающим характером безглагольного сочетания, обозначающего отношения вневременные, ненаглядные, несиюминутные и определяемого изоморфизмом языковой системы в целом: соположение основ имен Бог – св†тъ (как и св†тъ – Бог при аппозиции, а не атрибуции в узком смысле слова) в богосв†тъль указывает на «обобщение прошедших актов мысли»¹³ в противовес отношении-

¹¹ Ср. также толкование в словарных материалах композита **благобоязньвь** – «Почитающий **Бога** [выделено нами. – С.Н.], набожный, благочестивый» [12, 1-168], иллюстрирующее смежность (или тождественность) понятий «благо» – «Бог» в новой концепции мироустройства в отличие от языческой, где не только существуют боги верхнего и нижнего мира, но и нет собственно этической категории «блага» (а также **благоволениЕ** – «расположение, любовь, милость, благосклонность (**бога**)» [Там же, 170]; ср. переводы с греч. θεοπρετής – слав. **благолепныи**, θεοφιλεῖα – **благлюбие**, φιλόθεος – **благлюбящий** и т.п. [12, 1-188-189]).

¹² О символике света в древнем языковом сознании читаем: «Светоносной, солнечной природой, по народно-христианским воззрениям, обладают Бог-Отец и Иисус Христос, Богородица, ангелы и святые. ... В духовных стихах эпитет «светлый» вообще сближается со «святой»: светоносность рассматривается как проявление святости (ср. нимб в иконописи). Солнечный свет изливается на человека как Божья благодать» [11, 424]. В древнерусских памятниках письменности находим также многочисленные примеры сопряжения и даже равенства понятий «бог» и «свет»: и вид† бь св†т яко добро Хроногр. XV, св†тове вѣтории разумьнии чини От прѣваго и безначатъчнаго (sic!) вс†мь св†та осв†щенъя имуще Io. екз. Бог. 109; испльнишася св†та бжств†наго тобою Мин. 109б, всАкь дарь свершень съвьше Есть съходАи От тебе Оца св†томь Служ. Варл XII и т.д.

ям типа Бог – сътворити, Бог – движити (богосътворень, богодживимьи), которые наиболее органично выражаются в предикативно-именных структурах, актах, обогащающих мысль новым наглядным содержанием.

5. Для нас представляется принципиально важным «выражение отношения содержания высказываемого к действительности» [2, 346], на основе которого (вне эксплицированного предложения) и строится композит¹⁴. В.В. Колесов, описывая особенности структуры древнеславянского предложения, говорит о специфике древнейшего текста в целом, отражающейся во всех его категориях: об определенности, предикативности, валентности и модальности [6, 632-636]. На наш взгляд, основные принципы построения древнейшего текста являются общими для единиц всех уровней: указанные свойства текста проявляются в структуре и семантике каждой его составляющей (напомним, что древнейший текст можно определить как дедуктивный по природе). А значит, если эксплицированное в древнерусском предложении высказывание обладает предикативностью, где «только категория времени обслуживала предикативность как основной признак изъявительного наклонения. Древнерусские предложения в основном простые, они лаконично излагают реальные события, привязывая их к определенному месту и времени и к определенному действующему лицу» [там же, 634], то композитные образования, сопологающие изначально именные (или отыменные) единицы вне их соотношения с глаголом (основным способом формирования синтаксической

структуры высказывания), представляют собой особый способ построения / отражения суждения¹⁵ вне отношения к глагольным категориям (времени, лица и т.д.), способ отражения суждения-константы реально мыслимого идеального мира.

Если «отсутствие глагола [в предложении. – С.Н.] есть знак его особой важности, например при указании на вечное событие (некоторые тексты Евангелия)... , наводка на рассуждение» [6, 634], то в структуре композита этот способ актуализации «вечности» смысла представлен в чистом виде в пределах одной лексической единицы специфической формы, «наводящей на рассуждение» и утверждающей непререкаемую истину.

Безусловно, «вечность» номинированных фрагментов действительности оказывается характерна для сферы религии (здесь – православия), когда каждое из понятий есть такой элемент мировоззрения, который не просто не подвергается сомнению, а сам факт мнения по отношению к нему не применим, невозможен. Текст, репрезентирующий и утверждающий новую картину мира, отражает и новый тип дискурса, все элементы которого подчинены единым принципам функционирования: в частности, экспликации на разных уровнях вневременного характера номинируемого лица, предмета, явления, события и т.д.¹⁶

Таким образом, в древнейшем предложении, с одной стороны, отражаются категории, свойственные и современному высказыванию (формы и способы отражения категорий, безусловно, не совпадают), с другой – важнейшей представляется катего-

¹³ Однако, справедливости ради, укажем, что, хотя «предложение, не включающее в себя глагольной формы, «легче» и «быстрее» адаптируется для представления «общих истин», «в известных синтаксических условиях (или в результате их нейтрализации) содержание почти всякого типа предложения может обобщаться» [13, 158].

¹⁴ Вопрос о сути предикативности остается в современной русистике открытым: соотношение логического и собственно лингвистического в этом понятии определяется учеными по-разному. Так, нами принято положение о логической предикативности, под которой понимается «отнесение признаков (предикатов мысли) к предметам (субъектам мысли)» [1, 261], при этом корректным представляется термин-пароним – предикатность, т.е. «способность высказывания [здесь композитной структуры. – С.Н.] устанавливать и выражать связь между внеязыковыми ситуациями, отраженными в нашем сознании, и языковыми структурами, ... «выражение средствами языка логической структуры, отражающей конкретную ситуацию – фрагмент действительности или мыслимого мира» [Шведова, цит. по 1, 265]. Предикатные отношения могут быть выражены различными языковыми средствами, как собственно синтаксическими, так и лексическими, в частности словами сложной логической и композиционной структуры.

¹⁵ Этот тезис находит подтверждение и в теории А.А. Потебни, когда сущестительное может быть сопоставлено с предложением, «состоящим из подлежащего и сказуемого, сравнение, которое не должно быть принимаемо за отождествление» [8, 97].

¹⁶ Описание как лексической, так и грамматической системы церковно-книжного текста в работах русистов, на наш взгляд, позволяет интерпретировать специфику принципов его построения (здесь – вне деления на жанры) так же: маркированность лексики, морфологии, синтаксиса религиозного текста «работает» на особое его восприятие, на экспликацию вневременного характера всего, что связано со сферой сакрального, на отторжение от сферы мирского – временного и временного.

рия содержательной / смысловой константы истинности: в предложении констатируется, определяется нечто безоговорочно принимаемое¹⁷: такая конструкция (здесь – композиция) обладает высшей степенью объективирования содержания слова, «объективирующей потенцией», «синкретично-объективирующим» отношением составляющих.

Близость такой категории к модальности («отношение говорящего к связи между содержанием высказывания и действительностью: объективная модальность реальности противопоставлена модальностям желательности, возможности и необходимости») [6, 634]), с одной стороны, и этапная актуальность такой категории, связанная с периодом установления христианского мировоззрения, с другой, обуславливают ее неустойчивость в системе и трансформацию в будущем: в период XIV-XV веков стиль «плетения словес» при-

мает композиты и развивает композитную структуру имени уже в связи с идеацией – разработкой объема понятия, когда сложность смысла и структуры позволяет отражать новые связи вербальных знаков; в Новое время композитная структура позволяет соотносить уже разработанные понятийные единицы в пределах одного знака для максимально полного отражения сути явления (в сфере науки по большей части). Таким образом, категория «истинности» становится толчком для активного развития безглагольных имплицитно предикативных словесных знаков, которые и стали основным и оптимальным средством ее отражения в высказывании определенного типа дискурса¹⁸. Так, в сфере религиозного знания, где «вечность» номинированных фрагментов действительности априорна, двуосновность лексических единиц оказалась востребованным и активным способом маркированности терминологии.

¹⁷ Надо сказать, что такое определение абсолютной истинности, вневременного и внесубъективного характера как текста в целом, так и его единиц представляется скорее определением категории логической, нежели собственно лингвистической. Однако, на наш взгляд, видеть за маркированными единицами церковно-книжного текста исключительно стремление автора / переводчика / переписчика отграничить такой тип текста от других текстов недостаточно: при очевидной сложности мировоззренческой ситуации при «внедрении» христианства целеполагание лишь стилистическое невозможно, потому что новый текст призван сконструировать новый тип мироотношения, а так называемые стилистические особенности лишь средство и следствие коммуникативного замысла в религиозном тексте, стратегия которого определяет языковое наполнение и должна приниматься во внимание исследователем в первую очередь.

¹⁸ Представляется возможным соотнести наш тезис и с различными типами презентации термина в древнерусской книжности. Так, Е.М. Верещагин, описывая характерные черты символа и веры и огласительного слова, отмечает: «... в огласительном слове сообщаются [здесь и далее в цитате разрядка автора. – С.Н.] новые для слушателя или читателя сведения, а в символе или в изложении веры определенные догматы лишь упоминаются, хотя и в недвусмысленных контекстах. Огласительным словом у непосвященного формируется христианское знание о вере, тогда как чтением символа веры христианин свидетельствует о том, что его знание – истинное, православное» [4, 69]. В таком случае гимнографический дискурс в целом и его элементы в частности также «свидетельствуют» о истинности православного знания.

Список использованной литературы:

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2005. – 576 с.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред. Ю.С. Степанова. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – 360 с.
4. Верещагин Е.М. Христианская книжность Древней Руси. – М.: Наука, 1996. – 208 с. – (Серия «Литературоведение и языкознание»).
5. Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131. Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В.Б. Крысько. – М.: Индрик, 2005. – 904 с.
6. Колесов В.В. История русского языка: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 672 с.
7. Новгородская служебная минея на май (Пуятиня Минея). XI век: Текст, исследования, указатели / Подг. В.А. Баранов, В.М. Марков. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2003, 788 с.
8. Потехня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1-2. – М.: Просвещение, 1958. – 536 с.
9. Потехня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. III: Об изменении значения и заменах существительного. – М.: Просвещение, 1968. – 551 с.
10. Потехня А.А. Мысль и язык. – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.
11. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд 2-е. – М.: Междунар. отношения, 2002. – 512 с.
12. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): В 10 т. / Ин-т рус. яз.; Гл. ред. Р.И. Аванесов. – Т. 1-6. – М.: Рус. яз., 1988-2000.
13. Тарланов З.К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. – Петрозаводск, 1999. – 207 с.